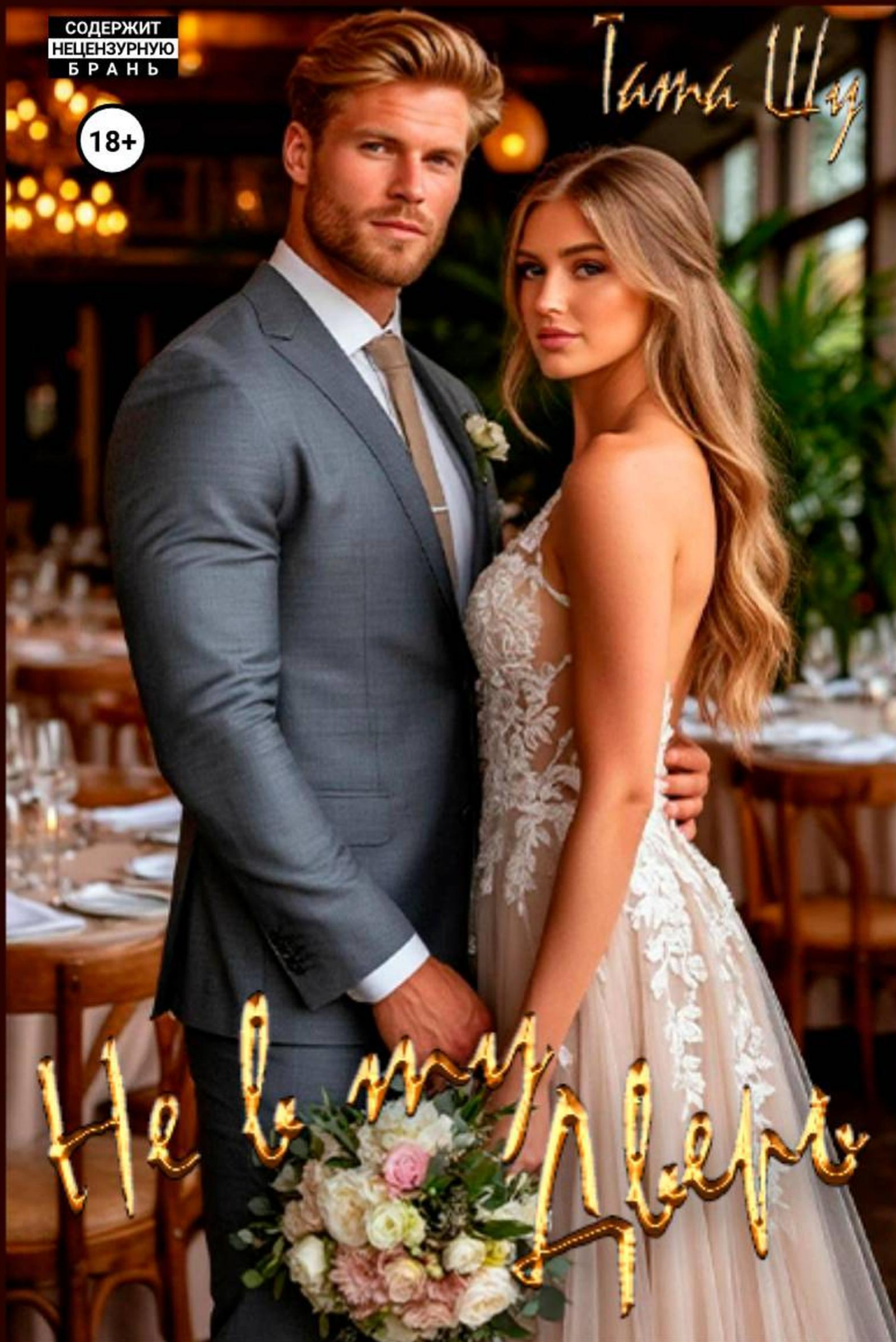

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Tanna Way

Helena Helena

Тата Шу

Не в ту дверь

«Автор»

2026

Шу Т.

Не в ту дверь / Т. Шу — «Автор», 2026

Жизнь Разумовского была выстроена по лекалам, которые оставил ему отец: железная дисциплина, успешный бизнес, отсутствие настоящих чувств и привычка держать всё под контролем. Он давно привык, что женщины в его жизни — это лишь временное удобство, а настоящая любовь — удел слабых. Но судьба любит подбрасывать сюрпризы тем, кто считает, что знает о жизни всё. Обычная случайность, приводит его на порог совсем другой жизни — бедной, неустроенной, но живой и настоящей. Ему придётся не только вступить в борьбу с прошлым, но и снова научиться быть человеком.

© Шу Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	7
Глава 3.	10
Глава 4.	13
Глава 5.	16
Глава 6.	19
Глава 7.	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Тата Шу

Не в ту дверь

Глава 1.

Жизнь Ване не подали на блюдечке с золотой каёмочкой. Скорее уж — в мятой алюминиевой миске, да и той по морде можно было получить.

Родила его юная девушка Лариса Разумовская от какого-то бандита в восьмидесятые годы. Слово «бандит» тогда не было ни ругательством, ни профессией — скорее уж судьбой. Парень поигрался с ней, кинул деньги на аборт и растворился на своей девятке в лучах заходящего солнца. Красиво уехал, гад. Лариса так и стояла тогда на тротуаре, провожала взглядом красные фонари, а внутри уже рос Ванька. Не избавилась. Спасибо ей за это — одно из немногих спасибо, которые Иван Васильевич мог выдохнуть, только если оставался совсем один.

Жила она тогда с отцом-алкоголиком и матерью, которая старалась молчать, когда муж вваливался в квартиру пьяным. Потом наступили непонятные времена. Социализм канул в лету, наступала разруха — не парадная, не киношная, а самая что ни на есть бытовая. Зарплату не платили. Заводы вставали. Многие спивались быстро и страшно, другие кончали с собой тихо — повесятся в собственной прихожей, и соседи только через неделю запах учуют.

Появились новые русские на джипах с кожаными салонами и обнаглевшие ОПГ, которые делили асфальт и всё, что на этом асфальте стояло. Семья Разумовских тогда ещё ни к тем, ни к другим не относилась. Они просто выживали — огородом, случайными шабашками, работой, какой не брезгуй. Ванька рос молчаливым, цепким, запоминал всё, что не следовало.

Пьяный дед в горячке орал:

- Я граф, мать вашу! Разумовский! А ты меня, Галька, картошкой в мундире кормишь да пустыми щами!

К настоящим «графьям» Разумовским дед Ивана, конечно, отношения не имел. И сам Иван потом проверял — ни в одном архиве, ни одной зацепки. Фамилия как случайный выстрел: в кого попала, тот и упал. Но для деда она была единственным величием, какое у него осталось. И каждый раз — сначала предлог, потом представление. Оно заканчивалось мощным храпом на всю квартиру и невозможностью спать спокойно.

Лариса под утро сидела на кухне, прижимала к губам мокрую тряпку. Ванька лежал под одеялом и учился ненавидеть правильно — не громко, не вслух, а так, чтобы никто не догадался.

Сколько бы это ещё продолжалось — неизвестно. Но однажды Лариса случайно пересеклась с отцом Вани, Василием. Ваньке тогда было лет десять. И жизнь их изменилась к лучшему. Нет, родители не стали жить вместе, даже встречаться не стали. Лариса так и любила того «плохого» парня — глупо, безнадёжно, по-бабьи, на всю оставшуюся жизнь, который её тогда выкинул. И не вспоминал. Пока не узнал, что есть сын.

Отец Вани заявился сам. Без предупреждения. С подарками, продуктами, с новенькими купюрами в конверте — толстыми, хрустящими, пахнущими типографской краской и чем-то чужим. У него, преуспевающего бизнесмена, была жена, но детей не было и быть, видимо, не могло. По какой причине — Ване не говорили, да он и не спрашивал. Уже тогда понял: взрослые врут, даже когда молчат.

Василий Скороходов сидел в тесной, пропахшей дешёвым табаком кухне Разумовских и смотрел на сына долгим, тяжёлым взглядом. И в этот момент заявился дед — пьяный в стельку, в растянутой майке, с мутными глазами.

- Кто такой? — спросил он, покачиваясь. — Ты чего, хряк, расселся?

Скороходов не встал. Даже не допил чай. Посмотрел на Ларису — та замерла, белая как стена. Посмотрел на Ваньку — тот не отвёл глаз. Потом медленно поднялся.

Что было дальше, Ваня запомнил плохо. Помнил глухой звук — то ли удар, то ли падение. Помнил, как дед вдруг оказался на полу, а над ним стоял чужой отец и вытирал костяшки пальцев о брюки. Помнил тишину. И потом голос — спокойный, даже будничный:

- Ещё раз увижу или услышу, как ты тут «властвуешь», господин граф... — Василий наклонился, и Ваня вдруг понял, что этот взрослый дядя вовсе не шутит. — Ноги выдержгаю и спички вставлю. А язык подрежу. На хрен.

Странное дело: дед притих. Пить не перестал, но приходил домой и тут же заваливался спать — тихо, как убитый. Лариса боялась даже в комнату входить. Ванька же почувствовал, как мир вокруг него трещит по швам и складывается заново — в пользу сильного. Не самого доброго. А того, кто умеет ударить первым и не вздрогнуть.

Вскоре отец снял им с матерью трёхкомнатную квартиру. Уровень жизни изменился — одежда, продукты, новая школа, репетиторы, компьютер. Ванька тогда впервые увидел, как пахнут деньги, если они твои. Не чужие, не одолженные до получки — свои.

Василий приезжал не часто — раза два-три в месяц. Зато требовал жёстко: спорт каждый день, школа на «отлично», никаких девчонок до восемнадцати, никакой дури. Разговаривал с сыном как со взрослым — рублеными фразами, без сюсюканья.

- Ты у меня единственный наследник, — сказал он однажды, глядя прямо в глаза. — Придёт время — передам в твои руки бизнес. Но сначала ты должен стать железным. Понял?

- Понял, — ответил Ваня.

А сам подумал тогда о другом. О том, как легко отец поставил на место пьяного «графа». О том, как тихо стало в доме. И о том, что он, Иван Разумовский, никогда в жизни не постучится в чужую дверь с надеждой на помощь.

Он сам будет той дверью, в которую боятся постучать.

Глава 2.

Время шло.

Ваня учился. С утра до вечера — школа, репетиторы, английский, математика. После школы — спортивные секции: сначала дзюдо, потом бокс, потом и то и другое вместе, пока тренер не сказал, что так мышцы расти не будут. Василий настоял на боксе.

- В дзюдо тебя скрутят трое, и всё, — объяснял отец коротко. — В боксе ты успеешь хотя бы одного вырубить, пока остальные подбегают.

Ване тогда было двенадцать. Он не понял, откуда у отца такие расчёты. Понял позже.

Где-то лет в пятнадцать он случайно услышал разговор матери с какой-то тётёй по телефону. Ваня замер за дверью и услышал главное: «Да, отца его и мать... ну, дедушку и бабушку Вани... застрелили. Прямо в машине. Говорят, заказали. Василий тогда сам чудом жив остался. Потому он и такой...»

Ваня тогда долго сидел в своей комнате, смотрел в стену и переваривал. Он вдруг понял, почему отец каждый раз проверяет замки, почему никогда не садится спиной к окну, почему у него в машине всегда бронезилет в багажнике. И почему он так вцепился в Ваню мёртвой хваткой.

Его дед и бабка по отцу — обычные люди, ни при чём, просто родственники того, кому мешали. Их не стало за один вечер. А Василий Скороходов выжил, и поняв, что он отец, дал себе слово: его сын не будет слабым. Его сын никогда не окажется в положении того, кого можно просто взять и стереть.

«Делает из меня человека», — понял вдруг Ваня. И почему-то не обиделся. Впервые не обиделся на отца.

Мать смотрела на это всё иначе. Она видела, как Ванька возвращается с синяками после спаррингов, как сидит над учебниками до двух ночи, как у него ни одного свободного выходного. Периодически, когда Вани не было рядом — или думала, что не было, — Лариса отчитывала Василия.

- Ты что с ним делаешь?! — шипела она на кухне. — Ему пятнадцать лет! Ему с девочками гулять надо, в кино, а ты...

- А я, — перебивал Скороходов спокойно, — делаю так, чтобы он дожил до двадцати пяти.

- У Вани нет детства! — взрывалась мать. — Совсем нет! Ты посмотри на него — он как старик маленький!

Василий молчал секунду, потом отвечал тихо, но так, что Лариса сразу замолкала:

- Зато с твоим папашей у него было бы детство? С тем, который «граф» и по морде? С тем, от которого ты по ночам в туалете пряталась?

Лариса замолкала. Всегда. Потому что возразить было нечего.

Ваня слышал эти разговоры из коридора. Взрослые считали, что он не слышит. Он слышал всё. И как-то раз поймал себя на мысли: а ведь отец прав. Детство — это роскошь. Детство — это для тех, у кого есть тыл. А у него тыла не было. Был только передний край.

И всё же, как это водится у пацанов, у Ваньки играли гормоны. Никакой спорт и никакая учёба не могли заглушить того, что природа включила на полную мощность. В пятнадцать он тайком заходил на взрослые сайты, в шестнадцать впервые поцеловался с одноклассницей на школьной дискотеке, а в семнадцать уже точно знал, как устроены женщины, хотя практики было мало — отец следил жёстко.

Но на первом курсе университета — факультет экономики, куда Василий лично договорился с деканом — Ваню и накрыло.

Её звали Алиса. Красивая, с длинными волосами и такой улыбкой, от которой у Вани подкашивались колени. Они учились в одной группе. Сидели рядом. А потом попали в одну компанию на дне рождения однокурсника, выпили, и всё закрутилось — быстро, ярко, безрассудно.

Ваня тогда впервые почувствовал себя не сыном Скороходова, не будущим банкиром, не проектом «железный человек», а просто молодым дураком, которому повезло с красивой девчонкой. Они встречались тайком — он говорил отцу, что у него тренировки допоздна, а сам мотался по её общаге, по ночным клубам, по чужим квартирам, где родители уезжали на дачу.

Итог был предсказуем, как пуля в упор.

Алиса сказала ему через два месяца после начала учёбы:

- Вань, я беременна.

У Вани похолодело внутри. Потом жарко ударило в голову. Потом — холод снова.

- Ты уверена? — спросил он глупо.

- Тесты делала. Три штуки. — Алиса смотрела на него спокойно, даже как-то слишком спокойно. — Что делать будем?

Ваня молчал минуту. Потом выпалил то, что вертелось на языке:

- Не люблю я тебя, Алиса. Извини. Давай ты... ну... аборт сделаешь?

Она посмотрела на него так, что Ваня на секунду увидел в её глазах свою мать. Такую же уставшую, такую же преданную, такую же готовую прощать. Но Алиса не была Ларисой. Она просто кивнула, сказала «понятно» и ушла.

Ваня промучился три дня. Не спал, не ел, ходил как варёный. А на четвёртый день Василий Скороходов каким-то своим чутьём — или через своих людей — всё узнал.

Отец зашёл к сыну в комнату. Закрыл дверь.

- Садись, — сказал он.

Ваня сел. Сердце колотилось где-то в горле.

- Алиса Иванова, — спокойно начал Василий. — Восемнадцать лет. Из приличной семьи. Учится с тобой на одном курсе. Беременна от тебя.

- Пап, я...

- Я не закончил. — Отец поднял глаза. — Ты ей сказал про аборт. Сказал, что не любишь.

Ваня побледнел.

- Откуда...

- Не важно. — Василий встал. Подошёл вплотную. И — раз! — отвесил сыну крепкую оплеуху по шее. Не со всей силы, но так, что у Вани искры из глаз посыпались.

- Не умеешь правильно в бабу плевать — женись! — сказал Скороходов, и голос его вдруг стал очень тихим и очень страшным. — Я тебя для чего растил? Для того, чтобы ты такой же гнилой вырос, как... — Он замолчал, сжал челюсти. — Короче. Женишься.

- Пап, но я же не люблю её! — попробовал возразить Ваня, потирая шею.

- А кто тебя спрашивает?! — рявкнул Василий. — Не бывать тому, что моего внука выскребут! Слышишь меня?! Не бывать!

Ваня открыл рот, чтобы сказать что-то ещё, но увидел глаза отца. В них было не бешенство. В них был страх. Самый настоящий, животный страх.

- Понял, — тихо сказал Ваня.

- Молодец, — так же тихо ответил отец. — Свадьбу через месяц. С отцом Алисы я договорюсь.

Он положил руку на плечо сына. Сжал крепко.

- Ты ещё спасибо мне скажешь. Лет через двадцать. Когда согласишься на своего пацана и поймёшь: ты сделал всё правильно. А любовь... — Василий усмехнулся, и усмешка получилась горькой. — Любовь, Ваня, это когда есть кого кормить и за кого умирать. Остальное — от лукавого.

Он вышел, оставив Ваню одного.

А Ваня сидел, смотрел в стену и впервые в жизни не знал, что ему делать. Потому что отец был прав. Как всегда, чёрт бы его побрал.

Но внутри уже закипало другое — глухое, злое, мальчишеское. «Ладно, — подумал Ваня. — Женюсь. Но Алиса будет знать, что я её не люблю. И она будет знать, кто в доме хозяин».

В восемнадцать лет Иван Разумовский ещё не понимал, что такие решения ломают судьбы. Не чужие — свои.

Глава 3.

Свадьба была пышной. Лучший ресторан в городе, белые скатерти, хрусталь, оркестр, который играл попеременно то марш Мендельсона, то блатные песни — по заказу Скороходова. Гостей было человек сто — свои бизнесмены, нужные люди, пара чиновников из мэрии, родственники с обеих сторон, которых Ваня видел впервые.

Лариса сидела в скромном, но дорогом платье, которое выбрал для неё Василий. Она улыбалась, но Ваня видел — мать напряжена. Слишком много чужих, слишком много власти, слишком много всего, к чему она не привыкла за жизнь в квартире с пьяным отцом.

Алиса была красива. Белое платье, фата, причёска за кучу денег — всё как у людей. Она улыбалась фотографам, кивала гостям, принимала подарки с королевским достоинством. И только когда никто не смотрел, её глаза становились пустыми.

Ваня стоял рядом в чёрном костюме, начищенных туфлях, с галстуком, который душил его сильнее, чем когда-либо душил дед. Он смотрел на Алису и не чувствовал ничего. Ни радости, ни злости, ни даже привычного уже раздражения. Просто пустоту.

Они были как две декорации на собственной свадьбе. Красивые, правильные, живые — только если на них смотреть издали. Вблизи становилось ясно: эти двое чужие. И оба это понимают.

Василий Романович Скороходов произносил тост. Встал, поднял рюмку, и зал замолчал — не из вежливости, а из привычки бояться человека, который держит в руках столько, сколько они не держали и не будут.

- Я скажу коротко, — голос отца был властным, чеканным, не терпящим возражений. — Сын, ты теперь мужик. Не по годам — по положению. У тебя жена, скоро будет ребёнок. Это не игрушки. — Он перевёл взгляд на Алису. — Алиса, ты теперь в нашей семье. У нас не принято бросать своих. Надеюсь, ты это запомнишь.

Алиса кивнула. Без улыбки. Ваня видел, как дёрнулся её подбородок.

- И главное, — продолжил Василий, обводя зал глазами, — жить будете с твоей, Ваня, матерью. Вам учиться надо. Лариса поможет, когда ребёнок родится. Квартира у вас трёхкомнатная, просторная — пока места хватит.

Лариса опустила глаза. Ваня знал: мать не спрашивали, хочет ли она жить под одной крышей с невесткой, которую сын не любит, и с сыном, который стал чужим за последние месяцы. Просто поставили перед фактом.

Тост выпили. Гости заплотировали. Оркестр заиграл что-то бодрое. А Ваня вдруг подумал: «Интересно, а если бы я сказал отцу «нет»? Что бы он сделал?»

Ответ пришёл сразу. Он бы просто не услышал.

Первое время жили как чужие люди в коммунальной квартире. Ваня с Алисой спали в одной комнате, но между ними всегда было расстояние — даже в постели. Лариса готовила, стирала, старалась не лезть, но иногда не выдерживала и пыталась сгладить углы. Получалось плохо. Алиса вежливо, но холодно благодарила и уходила в свою сторону. Ваня вообще перестал разговаривать с матерью — не из злости, просто нечего было сказать.

Но у Вани были свои «мужские» хотелки. Отец не зря заставлял его заниматься спортом — гормоны никуда не делись. И он справлял их дома. С Алисой. Без нежности, без предисловий. Она не отказывала — то ли боялась, то ли считала, что так надо. Никто из них не получал душевного удовольствия. Это было похоже на обязательную процедуру: без света, молча. Лишь бы сбросить физическое напряжение.

Алиса терпела. Ваня делал дело. Лариса делала вид, что не слышит.

Вскоре родилась девочка. Назвали Аней — имя выбрал Василий. Он приехал в роддом на второй день, лично договорился с главврачом о лучшей палате и привёз конверт с деньгами, который положил Алисе под подушку.

- Ты молодец, — сказал он невестке коротко. — Дочка — это хорошо. Девочки умнее мальчиков растут.

Алиса тогда впервые улыбнулась ему искренне.

С появлением Ани всё изменилось. Вернее, изменилось в доме всё, кроме отношений между Ваней и Алисой. Лариса наконец получила того, кому могла отдавать свою нерастраченную нежность — внучку, крошечную, тёплую, пахнущую молоком и счастьем. Она по ночам не спала, качала Аню, пела ей старые песни, которые когда-то пела ей самой бабушка.

А главное — теперь в доме часто появлялся Василий Романович.

Он приезжал без звонка, с игрушками, с памперсами, с крошечными платяными, которые сам выбирал в лучших магазинах. Качал внучку на руках и мог сидеть так часами, глядя на неё совершенно другим взглядом — не жёстким, не властным, а каким-то... растерянным, что ли. Будто он впервые в жизни видел что-то настоящее.

- Смотри, Вань, — говорил он сыну, показывая на Аню. — Она же на тебя похожа. Тот же взгляд. Та же серьёзность.

Ваня смотрел на дочь и не узнавал себя. Но отцу перечить не стал.

Лариса менялась в присутствии Василия. Становилась моложе, тише, даже как будто красивее. Ваня замечал это и бесился. Он знал, что мать до сих пор любит этого человека — того самого, который когда-то кинул деньги на аборт и уехал в закат. И ничего с этим сделать не мог.

«Семейная идиллия» кончилась в один день.

В дверь позвонили. Лариса открыла и замерла. На пороге стояла Римма — законная жена Василия Скороходова. Женщина ухоженная, злая, с дорогой сумкой на локте и глазами, которые метали молнии.

- Здравствуй, Лариса, — сказала она, входя без приглашения. — Где он?

- Кто? — не поняла Лариса.

- Не прикидывайся! — Римма Андреевна прошла в гостиную, увидела погремушки, детские вещи, фотографию Ани на стене и скривилась. — Всё, достали. Я и так столько лет терплю, что он сюда таскается. А ты, — она развернулась к Ларисе, — ты его этими выродками совсем к себе привязать хочешь?!

Лариса побледнела. Ваня вышел из своей комнаты. Алиса прижала к себе Аню и ушла в спальню.

- Римма Андреевна, — начала было Лариса, — я ничего...

- Молчи! — перебила Скороходова. — Восемь лет я терпела! Восемь лет он на тебя смотрит, как на икону! А я — пустое место! И эти... — она кивнула на комнату, — эти твои внуки...

Она не договорила.

Потому что в прихожей хлопнула дверь.

Василий Романович зашёл с пакетом в руках, увидел жену, и лицо его окаменело. Он всё слышал. Каждое слово.

Пакет упал на пол. Он подошёл к Римме Андреевне медленно, как тигр перед прыжком, схватил её за горло и прижал к стене в коридоре. Не сильно — так, чтобы не задушить, но чтобы вжалась в стену и дышала через раз.

- Ты, — прошипел он, наклоняясь к самому её лицу, — сколько аборт, сука, сделала? Не хотела мне детей рожать. Ты думала, я не узнаю?

Римма Андреевна захрипела, забила руками по его руке, но Василий даже не шелохнулся.

- А теперь слушай сюда. Ты закроешь свою грязную пасть и будешь терпеть, что я езжу к своему сыну и внучке. — Голос его был тихим, страшным, без единой ноты сомнения. — А

о Ларисе даже не смей думать плохо. За все годы, что я узнал о сыне, она меня ни разу к себе не подпустила. Не просила ни копейки. Не лезла в мою семью. Поняла?

Римма Андреевна кивнула, насколько могла.

Он отпустил. Она сползла по стене, закашлялась, поправила воротник, подхватила сумку. Ни слова не сказала. Только посмотрела на Ларису — долгим, полным ненависти взглядом — и вышла.

Дверь за ней закрылась.

В квартире стояла абсолютная тишина. Слышно было, как в соседней комнате Анюта кряхтит во сне — требовательно, по-младенчески, будто требует, чтобы мир немедленно вернулся в порядок.

Этот звук вывел всех из оцепенения.

Лариса всхлипнула, прижала руку ко рту и ушла на кухню. Алиса выглянула из спальни, бледная, с расширенными глазами, и закрыла дверь. Ваня стоял в коридоре и смотрел на отца, который медленно, будто неся на плечах весь мир, прошёл на кухню, сел на стул и прислонился головой к стене.

Глаза у него были закрыты.

Ваня впервые видел отца таким. Не сильным. Не властным. Не жестоким. Просто уставшим. Просто человеком, который только что разрубил одну жизнь, чтобы защитить другую.

- Пап, — тихо сказал Ваня.

- Иди, Вань, — не открывая глаз, ответил Василий. — Иди. Всё нормально. Просто... побудь с дочкой. Ладно?

Ваня кивнул, хотя отец не видел. Повернулся и пошёл в спальню, где плакала Аня. А может, не Аня. Может, это плакал кто-то другой внутри него — тот самый маленький Ванька, который когда-то лежал под одеялом и учился ненавидеть правильно.

Глава 4.

В тот вечер Василий Романович ушёл молча.

Он долго сидел на кухне, привалившись головой к стене. Потом встал, зашёл в спальню к Аняте — осторожно, на цыпочках, будто боялся разбудить. Наклонился над кроватью. Погладил внучку по щёчке — мягко, кончиками пальцев.

- Спи, маленькая, — сказал он едва слышно. — Спи. Дедушка всё решит.

И вышел. Дверь закрылась тихо, без хлопка. Ваня стоял у окна и смотрел, как отец садится в машину, закуривает и долго сидит с погашенными фарами. Потом мотор ожил, и чёрный джип растаял в темноте.

После того вечера что-то изменилось. Василий по-прежнему приезжал навещать внучку — с игрушками, с памперсами, с конвертами для Ларисы на хозяйство. Но теперь он не задерживался. Перекидывался с Ваней парой слов: «Как учёба?», «Как Анята?», «Мать не болеет?» — и уезжал. Не пил чай на кухне.

Лариса провожала его взглядом из окна. Ваня видел это, но молчал.

Иван ловил себя на мысли, что смотрит на родителей — на отца, который так и не ушёл от Риммы, на мать, которая так и осталась «другой женщиной», — и видит своё будущее. Та же пустота под красивой обёрткой. Те же ритуалы вместо чувств. «Хоть бы не повторить» — подумал он. И тут же усмехнулся — поздно. Уже повторил.

Как ни странно, Алиса после той сцены тоже что-то для себя поняла. Они научились быть мужем и женой без любви. Но без той холодности, что была в первые месяцы. В их отношениях появилась какая-то бытовая теплота — не любовь, но хотя бы перемирие.

А зима выдалась лютой.

В ударили такие морозы, что птицы падали на лету. Ваня тогда уже почти не думал о деде — о том самом «графе» Разумовском, который орал по ночам про фамилию и бил мать. Бабушка рассказывала, что дед пил молча. А потом деда не стало.

Его нашли утром возле гаражей. Пьяный, замёрзший, с синим лицом и открытыми глазами, которые смотрели куда-то в небо, будто он наконец увидел того самого графа, которым себя воображал. Лариса плакала — не от любви, от жалости. К нему. К себе. К той жизни, которая могла быть другой.

Скороходов узнал. Приехал, посмотрел на Ларису, на Ваню — и решил проблему одним махом. Так, как умел только он.

- Хватит вам по углам ютиться, — сказал он, не спрашивая ничьего согласия. — Организирую похороны. И переезжаете.

Похороны «графа» Разумовского вышли скромными, но приличными — гроб, венки, поминки на десять человек. Василий заплатил за всё, даже за памятник, на котором было выбито: «Разумовский Николай Анатольевич. Скорбим». Без «графа». Без лжи.

А через месяц он купил дом.

Двухэтажный, кирпичный, с большими окнами и участком, где весной должна была зазеленеть трава. Внутри — просторная кухня, гостиная с камином, шесть спален, кабинет. Скороходов перевёз туда всех: овдовевшую бабушку Галю, мать Вани, самого Ваню с Алисой и маленькой Аняткой.

И заехал туда сам.

У всех была своя комната. Даже у бабушки Гали — той самой, которая когда-то молчала, когда муж вваливался пьяным, а теперь жила тихо, словно боялась занимать лишнее место. Лариса определила её в комнату на первом этаже, рядом с кухней, чтобы далеко не ходила.

Скороходов не нарушал границ. У него была своя спальня на втором этаже, отдельная. Но Ваня замечал, как отец смотрит на мать. Не так, как смотрят на старую знакомую. Не так, как на мать своего сына. А с явным мужским интересом — долгим, изучающим, иногда даже жадным.

Скороходов думал, что никто не видит.

Ваня видел. И молчал.

Так они и жили в этом двухэтажном комфортабельном «общежитии», где у каждого был свой угол, но общая судьба. Родители Алисы — интеллигентные, тихие люди, — приезжали навещать внучку. Привозили книжки, развивающие игры, домашнее печенье. Сидели с Анюткой, гуляли во дворе. Но как только чёрный джип Скороходова въезжал в ворота, они старались интеллигентно исчезнуть.

- Нам пора, — говорил отец Алисы, поднимаясь с места так быстро, будто за ним гнались. — У нас ещё дела.

Василий Романович кивал сухо, не приглашая остаться. Алиса провожала родителей до калитки, и Ваня видел, как она сжимает зубы. Ей было стыдно. И обидно. Но она молчала.

Вечерами странная семья собиралась за ужином на первом этаже. Это был ритуал, который никто не обсуждал, но все соблюдали. В семь часов — за стол. Лариса готовила, Алиса накрывала, бабушка Галя раскладывала приборы — медленно, с дрожащими руками. Ваня садился во главе стола по правую руку от отца, хотя главным всё равно оставался Василий.

Анютка сидела в своём высоком стульчике с подносом, в окружении плюшевых игрушек, которых дед привозил каждый раз новыми.

Именно за ужином Ваня и видел главное.

Его железобетонный отец — тот самый, который мог одним словом уничтожить человека, который держал в страхе полгорода, который схватил жену за горло и прижал к стене — брал маленькую ложечку, зачерпывал суп или кашу и кормил Анютку.

Осторожно. Терпеливо. Дуя на каждую ложку.

- Открой ротик, маленькая, — говорил он голосом, которого Ваня не слышал никогда. — Для дедушки. Вот так. Умница.

Анютка хлопала ресницами, открывала рот и смотрела на деда с таким обожанием, какое не дарила никому.

После ужина Василий Романович обязательно играл с внучкой. Они строили башни из кубиков, смотрели мультики или просто сидели на ковре, и дед рассказывал ей сказки — страшноватые, с крутыми поворотами, но всегда с хорошим концом.

- А почему волка убили? — спрашивала Анюта.

- Потому что волк, маленькая, не знал, кого нельзя трогать, — отвечал Скороходов. — А бабка с дедом знали. И охотники знали. Всегда надо знать, кто в доме хозяин.

Ваня смотрел на это и думал о том, как странно устроена жизнь. Он никогда не видел отца таким. Мягким. Терпеливым. Почти счастливым.

Лариса смотрела на этого мужчину и прекрасно понимала. На его долю выпали непростые времена. Он выжил в лихие годы, когда люди гибли за простое слово, когда друзья становились врагами, когда каждый день мог оказаться последним. Он не умел по-другому. Делал всё жёстко. Потому что другой язык мир не понимал. Но впервые в жизни он делал правильно.

Он любил по-своему сына — требовательно, без нежностей. И обожал внучку — безоговорочно, полностью, всей своей прожжённой душой.

Ваня с Алисой тем временем примирились со своей судьбой. Это было похоже на деловой договор: общий быт, общая дочь, общие ужины. Алиса перестала ждать, что Ваня полюбит её. Ваня перестал злиться, что не любит. Они спали в одной кровати, занимались сексом и не мучили друг друга разговорами о чувствах. Их брак выглядел даже образцовым.

Со временем Лариса переселилась в спальню Василия. Это случилось незаметно — сначала он оставался у неё после вечернего чая, потом она провожала его до комнаты, потом перестала возвращаться. Ваня узнал об этом, когда однажды утром вышел на кухню и увидел отца в халате, который наливал себе кофе.

- Доброе утро, — сказал Василий спокойно, будто так и было всегда.

Ваня кивнул. Плевать. Ему уже давно было плевать на то, как живут взрослые. Главное, чтобы его Анютка была сыта и спокойна.

А Лариса... Лариса расцвела. Ваня не узнавал мать — она улыбалась, смеялась, даже иногда шутила. Бабушка Галя сначала косилась, качала головой, но потом привыкла. Она слишком хорошо знала, что такое жить с пьяным деспотом, чтобы осуждать дочь, которая наконец обрела покой.

Скороходов доказал: пусть он с крутым нравом, со своими закидонами, со своими методами, которые другим могли показаться зверскими, но своей семье он не враг.

Так прошло шесть лет.

Иван уже работал в банке отца. Василий брал его с собой на переговоры, учил чувствовать людей, видеть фальшь, слышать ложь. Поначалу Ваня ошибался, терял деньги, злился. Отец терпел — редко, но терпел. А потом всё пошло.

- У тебя нюх, — сказал ему однажды Василий. — Ты чувствуешь, где бабло нечистое. Не знаю, откуда это в тебе — не от меня точно. Но пользуйся.

Анютка пошла в школу. Первый класс, белые банты, огромный ранец с единорогом и слёзы, потому что «я остаюсь с чужими тётями».

Василий Романович приехал на линейку. Стоял среди других родителей — огромный, серьёзный, в дорогом костюме, с букетом цветов, который сжимал так, будто это оружие. А когда Анюта прочитала первый в жизни стишок, дед захлопал громче всех.

- Моя внучка, — сказал он, ни к кому не обращаясь. — Моя.

Ваня смотрел на дочь, на отца, на мать, которая держала под руку бабушку Галю, и вдруг поймал себя на мысли, что эта странная, слепленная из осколков и компромиссов семья — единственное, что у него есть.

Он никогда этого не выбирал. Но теперь уже не представлял другой жизни.

А через год всё рухнуло.

Глава 5.

Он никогда не ходил по врачам. Не считал нужным. Человек, который прошёл девяностые, который видел смерть в упор и не моргнул, — какой-то халат с фонендоскопом ему не указ. Если болит — перетерпишь. Если не перетерпелось — значит, так надо.

Василий Романович Скороходов не жаловался никогда. Ни на что.

Поэтому когда он вдруг начал сдавать — похудел за месяц, пожелтел, стал задыхаться после двух ступенек — никто сразу не понял. Лариса предлагала вызвать врача на дом. Он отмахивался: «Ерунда, старая болячка». Ваня предлагал частную клинику — отец только усмехался: «Там такие же идиоты в белых халатах, только ценники другие».

Анютка спрашивала: «Деда, а почему ты не играешь со мной в догонялки?» И дед гладил её по голове и отвечал: «Дедушка старый, маленькая. Скоро ты сама меня догонять будешь».

Его уговорили. Вернее, не уговорили — он сам упал в коридоре, и Лариса вызвала скорую, уже не спрашивая.

Диагноз поставили быстро. Рак поджелудочной железы. Четвёртая стадия. Метастазы в печень и лёгкие. Не операбельно.

Врач говорил тихо, глядя в пол, и мял в руках шариковую ручку. Лариса сидела белая, как стенка. Иван смотрел в окно и не видел ничего. А Василий Романович спросил единственное:

- Сколько?

- Месяца три-четыре, — ответил врач. — Максимум — полгода.

- Понятно. — Скороходов поправил воротник и встал. — Спасибо, доктор. Дальше мы сами.

Он вышел из кабинета с прямой спиной. Лариса побежала за ним, схватила за руку, заплакала. Он обнял её — неловко, не привыкший к нежностям — и сказал:

- Тише, Лара. Всё хорошо. Я пожил уже.

Дома он позвал их обоих — Ларису и Ваню — в кабинет. Закрыв дверь. Сел в кресло — в то самое, из которого обычно руководил миром, — и вдруг стало видно, как он сдал. Кресло казалось слишком большим.

- Садитесь, — сказал он. — Разговор есть.

Они сели напротив. Лариса вытирала слёзы, Иван сидел каменный.

- Я вам благодарен, — начал Василий тихо, не своим голосом — без металла, без стали. — Обоим. Что вы были в моей жизни.

Лариса всхлипнула, хотела что-то сказать.

- Не перебивай, — остановил он её мягко. — Я не умею говорить красиво. Скажу как есть. Ты, Лара, прости меня, что тогда, в молодости... — Он замолчал, сжал челюсти. — В общем, прости. Дурак был.

- Васенька... — начала Лариса.

- Дай закончить. — Он перевёл взгляд на Ваню. — Сын. Ты знаешь, почему я не настаивал, чтобы ты взял мою фамилию? Скороходов — она громкая. Думаешь, это подарок?

Ваня молчал.

- Нет, — ответил сам себе Василий. — Это груз. С моей фамилией на тебя бы смотрели волками. Враги бы нашли быстрее. А фамилия Разумовского — она тихая, не за что зацепиться. — Он усмехнулся, и усмешка получилась горькой. — Пусть «граф», зато свой.

- Пап... — Ваня хотел сказать что-то, но отец поднял руку.

- погоди. Самое главное. Есть вещи, о которых вам лучше не знать. В моём деле... — он помолчал, подбирая слова, — в моём деле не бывает чистых рук. Я сделал то, что сделал. Кого-то пережил. Кого-то... сам. Вы не знаете ничего. И не узнаете. Так надо.

Он посмотрел на Ларису, потом на Ваню. Глаза у него были светлыми — Ваня никогда не видел у отца таких глаз.

- Я вас любил. По-своему. Как умел.

Он встал, подошёл к окну, повернулся спиной.

- Всё. Идите.

Лариса вышла, зажимая рот ладонью. Иван задержался на секунду.

- Ты чего? — спросил отец, не оборачиваясь.

- Останусь, — сказал Ваня.

- Не надо. Иди к дочке.

Ваня вышел. А через минуту вернулся, потому что услышал странный звук. Он думал, что отец упал. Но Василий Романович Скороходов стоял у окна и плакал. Тихо, беззвучно, в первый и последний раз в жизни.

Ваня закрыл дверь и отошёл.

Через три дня, когда все немного отошли, Василий позвал Ваню одного.

Сидят на кухне, пьют чай. Василий — с мёдом, он вдруг полюбил мёд.

- Сынок, — сказал он, глядя в кружку. — Если вы разойдётесь с Алисой... оставь Анютку с собой.

Ваня поднял глаза.

- Ты о чём, пап?

- О том. Я видел, как вы живёте. Без любви, без огня. Рано или поздно треснет. Не вините друг друга — так сложилось. Но дочку не отдавай. Она твоя. Понял?

- Понял, — ответил Иван.

- Молодец, — сказал отец, как всегда, когда Ваня соглашался. Помолчал. Потом добавил, глядя куда-то в стену, и перевёл на сына мутные от болезни, но всё ещё цепкие глаза. — И ещё, сын. Ты умный, но в одном дурак. Думаешь, бабу деньгами удерживают. Нет. Удерживают тем, что ты без неё — не ты. Запомни. Когда встретишь такую — не скупись. Не на деньги — на себя.

И больше они к этому не возвращались.

Василий Романович умер через четыре месяца. Тихо, во сне. Лариса утром проснулась — он лежал с закрытыми глазами, сложив руки на груди, и улыбался. Впервые в жизни спокойный.

Похоронили на центральном кладбище — уважительно. Пришло много людей. Говорили правильные слова. Иван стоял у гроба и не слышал ни слова. Анютка держала его за руку и плакала, но тихо — как учил дед: «Не позорь семью».

Лариса не плакала на похоронах. Она заплакала через три дня, когда разбирала его вещи и нашла под подушкой её фотографию — молодую, смеющуюся, ту самую, которую он сделал, когда они только встретились. На обороте было написано: «Лара. Прости. Я всё помню».

Через год Иван с Алисой разошлись.

Не громко, без скандалов, без дележа. Алиса пришла и сказала:

- Вань, я устала. Мы не любим друг друга. Давай разведёмся.

Он посмотрел на неё и вдруг впервые увидел не жену, не мать своей дочери, а просто уставшую женщину, которую в восемнадцать лет приговорили к браку без права на любовь.

- Давай, — сказал он.

Она собрала свои вещи, документы, ноутбук. И когда уже стояла в дверях, обернулась:

- Аня остаётся с тобой?

- Да, — сказал Ваня. — Ты можешь видеть её когда хочешь.

Алиса кивнула. У неё была другая жизнь впереди — новая, свободная. А Ваня остался с дочкой, с матерью, с бабушкой Галей и с домом, который купил его отец.

Он часто вспоминал тот разговор на кухне. «Оставь Анютку с собой». Тогда он не понял, почему отец сказал именно так. Теперь понял.

Скороходов знал, что сын останется один. И знал, что единственное, что не даст ему сломаться — это маленькая девочка с бантами, которая каждое утро кричит: «Папа, а где мой второй носок?»

Ваня улыбался. Учился быть один.

А бизнес тем временем требовал своё. Банк, кредиты, сделки, люди, которые хотят твоего падения. И через два года после смерти отца Иван Васильевич Разумовский понял, что отец был прав: фамилия Скороходова — это груз. А фамилия Разумовского — это щит.

Но щит не спасает от всего.

Особенно когда ты сам, по своей воле, открываешь дверь, которую лучше было не трогать.

Глава 6.

Иван Васильевич Разумовский стоял у окна своего кабинета.

За спиной — столица, небоскрёбы, деньги, власть. Перед глазами — отражение в стекле: сорокалетний мужчина в дорогом костюме, с модной стрижкой, с глазами, которые видели слишком много, чтобы удивляться.

Банк отца вырос в три раза. Своих врагов Разумовский не убивал — он их покупал. Дороже, чем конкуренты. Честнее, чем ожидалось. Он научился тому, чему отец не успел: договариваться там, где Скороходов давил. Иван был жёстким, но не звериным. Холодным, но не жестоким. Своим — но на расстоянии.

За годы после смерти отца он ни разу не допустил мысли, что нужно жениться снова. Зачем? Женщин всегда было много. Тех, кто хотел его денег. Тех, кто хотел его связей. Тех, кто хотел просто красивую жизнь рядом с сильным мужчиной. Он никому не отказывал в удовольствии побыть рядом — ровно до тех пор, пока не становилось скучно.

Ни одна не задержалась дольше полугода. Кроме Кати.

Катя пришла к нему пять лет назад. Двадцать два года, свежий диплом, огромные глаза и полное отсутствие опыта. Он тогда думал: «Ещё одна крашенная кукла, через месяц уволится». Но Катя оказалась не пустышкой. Умненькая, хваткая, соображала на лету, запоминала всё с первого раза, не боялась брать на себя ответственность. Через три месяца она знала о его делах больше, чем его финансовый директор.

И конечно, как босс, Иван Васильевич положил на молоденькую секретаршу глаз. Куда ж без этого.

Всё было банально и удобно. Он мог нагнуть её в кабинете, когда надо — прямо на рабочем столе, раздвинув бумаги с отчётами. Мог взять на недельку на какой-нибудь курорт — она собирала чемодан за пятнадцать минут и не ныла, если рейс задерживали. Мог приехать к ней на квартирку — уютную, чистую, которую она снимала сама, не прося у него ни копейки лишнего.

Катя была идеальной. Не потому что идеальная вообще. А потому что идеально подходила ему.

Но он всегда возвращался домой. Туда, где жили его мать и дочь. Бабушка Галя покинула этот мир тихо — уснула и не проснулась, как когда-то её зять. Лариса теперь жила одна на втором этаже в комнате Василия. Они с Ваней пили чай каждый вечер, и он рассказывал ей про дела, а она кивала и иногда давала советы — женские, которые почему-то работали лучше любых бизнес-консультаций.

Анютка выросла. Ваня смотрел на неё и не верил, что эта высокая, красивая, уверенная в себе девушка — та самая кроха, которую он боялся взять на руки. Она закончила школу с золотой медалью, поступила на юрфак. Замуж она выскочила на втором курсе университета.

Ваня тогда бесился. Не потому, что зять был плохим — нет, парень оказался достойным, из приличной семьи, с головой на плечах. А потому, что Ваня не был готов. Ему казалось, что Ане всё ещё восемь лет, что она бежит к нему с разбитой коленкой, что он — её главный мужчина.

На свадьбе он напился. Впервые. Лариса молча уложила его спать, а утром сказала:

- Отпусти, Вань. Она счастлива.

И он отпустил.

Теперь Аня жила в соседнем районе, приезжала иногда в гости и каждый раз привозила с собой маленькое розовощёкое чудо, которое орало и требовало, чтобы его немедленно подбросили к потолку.

Ваське было чуть больше года. Толстенький, румяный, с огромными глазами и совершенно дедовским характером. Ваня души в нём не чаял. Он, сорокалетний банкир, державший в страхе полфинансового сектора, мог час возиться с внуком на ковре, изображая самолёт, корову и паровозик из Ромашкова.

- Ты бы видел себя со стороны, — смеялась Аня. — Ужас просто.

- А ты помолчи, — огрызался Ваня, подбрасывая Ваську. — Дай деду внука понянчить.

Он был счастлив. Настолько, насколько может быть счастлив человек, у которого в жизни не было большой любви, но было всё остальное.

А месяц назад всё пошло наперекосяк.

Катя зашла в кабинет без стука — первый раз за пять лет. Села напротив, сложила руки на коленях и сказала:

- Иван Васильевич, я выхожу замуж.

Он поднял бровь. Внутри кольнуло — непонятно чем. Ревностью? Обидой? Чувством, что теряет что-то своё? Нет. Ни чем таким не кольнуло. Он прекрасно понимал, что это когда-нибудь это случится. Просто теперь надо искать секретаршу.

- Поздравляю, — сказал он сухо. — Кто счастливчик?

- Обычный парень. Инженер. — Она улыбнулась, и улыбка была искренней — такой, какой он у неё никогда не видел. — Он хороший.

- И что ты хочешь? — спросил Разумовский, хотя уже знал ответ.

- Есть два выхода, Иван Васильевич. — Катя говорила спокойно, без дрожи в голосе. Пять лет рядом с ним научили её не бояться. — Или вы женитесь на мне. Или дадите приданое и отпустите меня в новую жизнь.

Он помолчал. Посмотрел на неё долгим взглядом.

- Жениться я не буду, Катя. Ты это знаешь.

- Знаю, — кивнула она. — Тогда приданое.

Он назвал сумму. Она не торговалась. Поблагодарила и вышла.

А через день на её месте сидела новая секретарша — женщина лет пятидесяти, в строгом костюме, с безупречной причёской и лицом, которое не выражало ничего. Иван Васильевич сам отбирал её из трёх кандидатур. Две другие были моложе, симпатичнее, покладистее.

Он выбрал эту. Никаких соблазнов. Никаких намёков. Никакого секса с секретаршами.

- Ваши обязанности, — сказал он ей в первый день, — организация рабочего дня, документы, встречи. Всё.

- Поняла, — ответила та.

И с тех пор они не обменялись ни одним лишним словом.

Разумовский стоял у окна и смотрел на город. Вспоминал. Жизнь прошла — не то чтобы быстро, но как-то незаметно. Сорок лет. Банк. Дом. Мать. Дочь. Внук. Женщины, которых он не любил. Женщины, которые не любили его.

Катя выходила замуж. Хорошо. Правильно. Ей нужно устраивать свою жизнь. Иначе годы уйдут.

А он? Он остался один. Не в том смысле, что одинок — нет, рядом были люди. А в том, что не было никого, ради кого он проснулся бы утром с улыбкой.

Кроме Васьки, пожалуй. Васька — это да.

Он усмехнулся своим мыслям. Повернулся к столу, нажал кнопку интеркома:

- Валентина Петровна, приготовьте документы по сделке с «Трансойлом». И кофе, пожалуйста.

- Сделаю, Иван Васильевич, — ответила железная секретарша.

Он сел в кресло. Взял ручку. И вдруг поймал себя на мысли, что сейчас, ровно в эту секунду, он не знает, зачем просыпается по утрам.

Не знает, куда идти.

И не знает, в какую дверь стучать.

Глава 7.

Несколько дней Разумовский находился в ступоре.

Сам себе удивлялся. Мужик, сорок лет, выдавший и не такое, а тут — на тебе. Какая-то секретарша, пять лет удобства, и вдруг ступор. Он приходил в банк, закрывался в кабинете, смотрел в монитор и не видел ни одной цифры. Валентина Петровна приносила кофе — идеальный, крепкий, без сахара, как он любил. Он брал чашку, делал глоток и ставил обратно.

Остывал. Снова просил горячий. Снова остывал.

Молодой мужик, бабу хочется. Это он мог признать себе честно, без соплей. Организм требовал своего — гормоны, привычка, назови как хочешь. А в приёмной сидит моложавая женщина, но тётя. Хорошая, грамотная, с опытом, но — тётя. И ни взгляда лишнего, ни улыбки. Всё по делу.

Проститутки — не про него. Никогда не было. Не потому, что такой правильный. Просто безглаголиво как-то. И опасно. И отец когда-то сказал: «Бабу за деньги ты не покупаешь, Ваня. Ты её снимаешь на время».

В общем, тупик.

Можно, конечно, найти какую-нибудь молодую, свободную, без обязательств. Но когда? И где? И кто сказал, что она не окажется очередной Катей — удобной, умненькой, которая в нужный момент тоже захочет замуж или приданого?

Он поймал себя на мысли, что уже неделю ходит по этому кругу. И это бесило больше всего.

Олег Шувалов заметил его состояние сразу. Они сидели в переговорной после совещания по какому-то пустяковому договору, все разошлись, а Олег остался.

- Ты какой-то дерганный, — сказал он, закрывая папку. — Что случилось?

- Всё нормально, — ответил Иван, даже не подняв головы.

- Ага. У тебя глаз дёргается. Когда у тебя глаз дёргается, ты либо кого-то убить хочешь, либо у тебя баба ушла.

Иван промолчал. Олег усмехнулся и откинулся на спинку стула.

Олега Шувалова в банк брал ещё Василий Романович. Молодой парень, только с университета, с красным дипломом и горящими глазами. Скорыходов тогда сказал: «Возьмём этого. Голова варит, и не боится спорить. Мне такие нужны». И не ошибся.

Олег вырос до начальника юридического отдела, женился, купил квартиру, родил двоих детей. И всё это — не отходя от банка. Свою половинку он встретил здесь же. Оля пришла на стажировку — молоденькая, смешливая, с косичками. Олег влюбился с первого взгляда, ухаживал полгода, а потом они поженились и до сих пор смотрели друг на друга, как кот на сметану.

Иван иногда завидовал этой паре. Белой, тихой, правильной завистью. Не той, от которой тошнит, а той, от которой тепло. Как в детстве, когда смотришь на чужую ёлку через окно — у тебя своей нет, но ты рад, что у кого-то она есть.

С Олегом у них не было тесной дружбы. Не той, где ночуют друг у друга на диване и делятся последней рубашкой. Но отношения были приятельские — крепкие, надёжные, проверенные годами. Олег умел залезть в душу к Ивану, когда дело касалось женщин и детей. Не лез с расспросами, не давил, не учил жить. Просто иногда говорил правильные вещи в нужный момент.

Как сейчас.

- С Катькой что-то? — спросил Олег спокойно.

- Катька выходит замуж, — сказал Иван, не глядя.

- А, ну понятно. — Олег кивнул, будто ждал этого. — И ты в ступоре.

- Я не в ступоре.

- Конечно, нет. Ты просто уже неделю на всех рычишь, кофе не пьёшь и на совещаниях смотришь в одну точку. — Олег помолчал. — Иван, я тебе сколько раз говорил. Зачем тебе Катя была? Удобно, да? Всегда под рукой, и не надо ни о чём думать.

- Не начинай, — тихо сказал Разумовский.

- А что начинать? Я правду говорю. Тебе нужна была не Катя. Тебе нужна надёжная. Которая не свалит туда, где ей выгодно. Которая будет с тобой, а не с твоим кошельком и не с твоим положением.

Иван поднял глаза. В них была злость — не на Олега, на себя.

- Олежек, заглохни, — сказал он жёстко. — Как будто меня сидит и дожидается Алёнушка у какой-нибудь речки. А я такой приду — «здрасте, хочу любви, семьи и ещё детей». Не смейся меня.

Олег не обиделся. Он умел принимать удары — профессиональное.

- А я и не смею, — ответил он спокойно. — Я просто говорю: ты сам выбрал удобство, а не риск. Сам. И теперь удивляешься, что удобство кончилось.

Иван хотел ответить что-то резкое, но не успел. В дверь постучала Валентина Петровна.

- Иван Васильевич, у вас через десять минут встреча с инвесторами.

- Иду, — сказал он, вставая.

Олег тоже поднялся, взял папку.

- Вань, — сказал он уже в дверях, тихо, чтобы секретарша не слышала. — Ты не железный. И это нормально. Просто не надо делать вид, что тебе всё равно.

Он вышел. А Иван остался стоять посреди переговорной и смотрел на закрытую дверь.

«Не надо делать вид, что тебе всё равно».

А если не всё равно? Если на самом деле хочется? Если надоело одному просыпаться, надоело возвращаться в пустую спальню, надоело объяснять дочери, почему у папы нет никого, кроме работы и внука?

Он тряхнул головой. Потом — ещё раз.

- Валентина Петровна, — сказал он в интерком, — Пусть инвесторы подождут ещё пять минут. Мне нужно привести мысли в порядок.

Он сел. Взял остывший кофе. Выпил одним глотком — горький, противный.

И вдруг усмехнулся.

«Сорок лет, банкир, миллиардер, а проблемы как у пацана в десятом классе. Бабу хочется, а любви нет. И непонятно, что с этим делать».

Отец бы сказал: «Забей и работай». Мать бы сказала: «Не торопи сердце, Ваня». А Анюта — та бы просто обняла, потому что она умела обнимать так, что все проблемы казались маленькими.

Васька сейчас спит, наверное. Или орёт. Или требует, чтобы дед приехал, тыкая пальчиком на дверь «ы-ы-ы».

Иван взял телефон. Написал дочери: «Как мой пацан?»

Аня ответила через секунду: «Орёт. Требует деда. Приезжай на выходные».

Он улыбнулся. Впервые за неделю.

- Валентина Петровна, — сказал он в интерком. — Зовите инвесторов.

Инвесторы пришли. Иван провёл встречу жёстко, чётко, без единой ошибки — как умел. Деньги подписали, договор утвердили, все разошлись довольные.

А вечером он сидел у себя в кабинете, один, и думал о том, что Олег прав. Он сам выбрал удобство. А удобство кончилось.

И теперь нужно решать: либо смириться с тем, что женщины в его жизни — это временно, либо...

Либо что?

Он не знал. И это «не знал» бесило.

Может, и правда стоит съездить к дочери. Понянчить Ваську. Посмотреть на чужое семейное счастье — Аня с мужем, слава богу, жили хорошо, без скандалов, без обид. Может, это заразно?

Иван усмехнулся своим мыслям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.